

Д.В. Алексеев

D. Alekseev

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ**

**POLITICAL
TECHNOLOGIES IN
LEGISLATIVE PROCESS:
CONCEPTUALIZATION
AND TYPOLOGY**

Аннотация

Целью работы стала систематизация роли политических технологий в законодательном процессе, операционализация данного концепта в рамках законодательного процесса. Политические технологии в законодательном процессе представляют собой совокупность инструментов, с помощью которых можно влиять на ход и результат законодательного процесса. При этом политические технологии – это зонтичное понятие, которое объединяет инструменты влияния на политику во всех её проявлениях, так что законодательные технологии можно считать частью этого инструментария по аналогии с избирательными технологиями.

Ключевым результатом исследования стал подход к типологизации политических технологий в законодательном процессе, основанный на трёх измерениях. Первое – это субъект их применения (основные – это президент, правительство, депутаты и сенаторы и др.); второе – цель использования (технологии применяются для ускорения, замедления или блокирования принятия решения в ходе законодательного процесса). При этом такие технологии нередко связаны с процедурами законодательного процесса.

Третье измерение связано с характером технологий, то есть их можно разделить на процедурные, дискурсивные и аналоговые. Благодаря первым можно манипулировать процедурами законодательного процесса в рамках правового поля, превращая их в политические инструменты. Используя процедуры в зависимости от потребностей политического актора, можно блокировать или, напротив, стимулировать как можно более быстрое

Abstract

This paper is described the concept of political technologies in the context of the legislative process. The author interprets political technologies in the legislative process as a set of tools. It is influenced to the movement and result of the legislative process. At the same time, political technologies influence to politics in all its manifestations, so that legislative technologies can be considered the same part of political technologies' set as electoral technologies.

The paper is proposed the author's approach to the typology of legislative technologies. It consists of identifying three dimensions: the subject of application; purpose of using; character of the instrument. The main subjects of their application are the president, government, senators and parliamentarians. Legislative technologies are used to speed up, slow down or block decision-making during the legislative process.

If we speak about the nature of the instrument, legislative technologies can be divided into procedural, discursive and analogue. It is possible to manipulate the procedures of the legislative process within the legal field, turning them into political instruments. The argumentation of political actors, the peculiarities of rhetoric, and the corresponding speech accents are components of discursive technologies. Analogue technologies are associated with the indirect influence on the legislative process of various collective and individual practices, which are associated with demonstrating one's own position, including through non-verbal means.

прохождение законодательной инициативы. Здесь мы можем видеть пересечение двух измерений, поскольку именно благодаря процедурным технологиям можно регулировать как минимум темп законодательного процесса.

Ключевые слова:

политические технологии; законодательный процесс; законодательные технологии; типологизация; процедуры; политические акторы.

Key words:

political technologies; legislative process; legislative technologies; typology; procedures; political actors.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-182-194>

Цель статьи состоит в систематизации места и роли политических технологий в законодательном процессе. Сделать это предлагается не только с помощью концептуализации, но и посредством типологизации, которая поможет понять сущность политических технологий в законодательном процессе. Рассмотрим политические технологии как концепт, который так или иначе затрагивает практически всё многообразие политических процессов.

Место технологий в мире политики: их определение и значение

Структуралистский подход к определению политических технологий, трактует их как социальное явление и при этом максимально широко. Любая технология воздействует на сферу политического [20, р. 682-706]. Например, когда промышленный переворот грозил уменьшить число рабочих мест, стало очевидно наличие не только чисто технического, но и социального измерения технологии [16, с. 204-225]. Таким образом, в широком смысле технология становится не только инструментом в руках субъекта, но и сама же может воздействовать на него. Вероятно, технологии в мире политики трансформируют не только окружающую социальную реальность, но вместе с ней и тех, кто их применяет.

Говоря о политических технологиях, О.Е. Гришин определял их вполне в духе С. Лема как алгоритмизированные методы, направленные на завоевание, удержание и укрепление власти [6, с. 19-32]. Несколько более широкую трактовку даёт В.В. Демидченко: «совокупность способов, методов и процедур воздействия на человеческие массы с целью изменения их политического поведения в достижении определенных целей, а также решении политических и управленческих задач» [7, с. 140-142]. Данная формулировка, хотя и выглядит достаточно всеобъемлющей, но всё же стоит заострить внимание на возможности влияния с помощью технологий и на элиту.

Одну из наиболее ёмких дефиниций политических технологий предложил О.Ф. Шабров. С его точки зрения, политические технологии – это «целенаправленно сконструированная совокупность приёмов и способов до-

стижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп» [17, с. 328-330]. В рамки данного определения входит всё многообразие видов деятельности, связанных со сферой политического, а их объектом могут стать любые социальные слои и их комбинации.

Понятие политических технологий тесно увязано с получением контроля над повесткой дня. Именно из такого контроля следует доверие к политическим акторам, ведь чтобы месседж был услышан, нужно значительное представительство в СМИ, публичном поле. Далее уже создается ощущение компетентности актора в решении какой-либо проблемы [8, с. 109-123]. Конкретные технологии, связанные с контролем и манипулированием повесткой дня, зависят от сферы применения политических технологий. Например, в период избирательной кампании значительная часть бюджета и усилий избирательного штаба направлены на то, чтобы удержать кандидата в медийной повестке как можно дольше. В некоторых случаях принимаемое политическое решение непопулярно, и, хотя оно и должно пройти процесс легитимации, но при этом у политических субъектов есть интерес как можно быстрее погасить негативный медийный эффект [18, с. 58-62]. В законодательном процессе повестка дня достаточно формализована и за счёт этого можно как блокировать неудобные вопросы, так и насытить повестку выгодными для себя инициативами [21].

Спутником и даже составной частью политических технологий можно назвать неформальные практики, широко применяющиеся не только в силу слабости тех или иных институтов, но и в связи с сокращением временных и ресурсных издержек политических и экономических акторов при использовании таких практик [3; 12 с. 6-25]. Зачастую группы интересов стремятся достичь предварительного соглашения, а законодательные процедуры в таком случае становятся способом его легитимации. При этом неформальные практики безусловно должны находиться в правовой плоскости, хотя и их прямое регулирование отсутствует. Дополнительной сложностью здесь является ограниченные возможности их фиксации и анализа [13, с. 171-188].

Очевидно, что политические технологии имеют весьма широкую сферу применения. Речь об уже упомянутых избирательных кампаниях, политической борьбе в ходе законодательного процесса, а также о построении имиджа политика, взаимодействии между частным сектором и государством и другом. Представляется неверным сводить предмет политических технологий лишь к одной из этих сфер. Причём, использование технологий в одной из обозначенных областей политики может кумулятивно повлиять и на другую. Например, исход избирательной кампании безусловно окажет влияние на границы возможного в применении технологий в законодательном процессе.

Таким образом, политические технологии – это зонтичное понятие, которое имеет широкую сферу применения. Среди многообразия объектов их воздействия и политическая повестка дня, и процесс принятия управленческих

решений, и выборы. Законодательный процесс здесь не является исключением. В целом политические технологии можно определить, как совокупность инструментов, с помощью которых акторы воздействуют на всё многообразие отношений, связанных с политикой. Причём эти отношения могут возникать как внутри кругов политической элиты, так и в более широких слоях общества.

Политические технологии и законодательный процесс: проблема концептуализации

Как уже было упомянуто ранее, в ходе законодательного процесса акторами вполне могут применяться политические технологии. Законодательный процесс в политическом смысле представляется, с одной стороны, как совокупность процедур, а с другой в качестве пространства, где принимаются государственные решения [15, с. 54]. Именно в рамках него обсуждаются, принимаются и утверждаются многие политические решения, причём в виде законов, исполнение которых обязательно для всех граждан страны. В ходе законодательного процесса политические решения приобретают легитимность, а граждане и элиты приобретают уверенность, что государственная политика осуществляется надлежащим образом [23, р. 155-184].

При этом политические технологии, которые применяются в законодательном процессе всё же отличаются рядом особенностей. Ряд особенностей позволяют их вывести в отдельную группу технологий наравне с избирательными технологиями, политическим PR или GR.

Во-первых, у них специфический объект воздействия – законодательный процесс. Причём политические акторы, применяя технологии, влияют не только непосредственно на законодательный процесс, но и на других политических акторов. Например, внося поправки в законопроект правительства, парламентарий побуждает к реакции как исполнительную власть, так и ответственный комитет. На оппозиционные поправки парламентское большинство просто не может не отреагировать, особенно если они выносятся на отдельное обсуждение, что допустимо с точки зрения процедур.

Во-вторых, речь о значительном ограничении строгими юридическими рамками, параметры которых чаще всего содержатся в регламентах палат. При использовании технологий, необходимо учитывать эти строгие ограничения, причем в каждой стране они имеют определенную специфику. При применении технологий важно иметь ввиду особенности этих процедур и их незыблемость. В России все законопроекты (за исключением ратификаций международных договоров) проходят три чтения в Государственной Думе, некоторые из них обязательно должен рассмотреть Совет Федерации, а на проекты законов, требующих расходов федерального бюджета, обязательно должно быть заключение правительства. В Польше проекты законов, внесенные в порядке «народной инициативы» (то есть большой группы граждан), должны быть рассмотрены в течение трёх месяцев [4, с. 27-42], а в Японии для внесения законодательной

инициативы необходимо заручиться поддержкой не менее 20 членов нижней палаты законодательного собрания и 10 верхней. Важно добавить, что манипулирование процедурами, если это не противоречит регламенту, конституции или федеральному законодательству, может стать важным инструментом в руках политических акторов.

В-третьих, тиражирование. Политический ход или действие делает технологией возможность его повторения, но уже иным актором и в других обстоятельствах. В таком случае он становится инструментом, созданным если не для управления, то как минимум для коррекции хода законодательного процесса в интересах политических акторов.

Важным вопросом также является отделение политических технологий в законодательном процессе от их юридической составляющей. Юриспруденция как наука внесла действительно весомый вклад в исследование законодательного процесса. Так, рассмотрением законодательной технологии занимались В.Н. Карташов, С.В. Бахвалов и называли законодательную технологию разновидностью юридической технологии [10, с. 59-71]. В некоторых более ранних публикациях В.Н. Карташов рассматривает и концепт юридических технологий [9, с. 16-23].

Однако исследуя процедуры, действия, которые предпринимаются в ходе законодательного процесса, за рамками объекта исследования юридической науки остаётся его результат как сумма компромиссов между различными политическими акторами. В итоге, политические технологии являются совокупностью инструментов, которые позволяют политическим акторам достигать необходимого им результата законодательного процесса. Он выражается в принятии или отклонении инициативы, изменениях параметров принимаемых решений. Таким образом, политический смысл таких технологий состоит не только в самом факте их применения, но и в тех интересах и смыслах, которые стоят за их использованием, а также аргументах и позициях политических акторов по тем или иным конкретным инициативам.

Юридические технологии – это скорее более прикладной уровень, конкретное техническое инкорпорирование обновленных законодательных норм в существующее правовое поле. Политические технологии в законодательном процессе или законодательные технологии – это про определение векторов развития общества, определение правил игры и стратегий развития. В подобном ключе высказывался, например, А.И. Соловьёв, который отмечал, что политическая элита должна контролировать общественно-значимые процессы, а право конституирует и придает «всеобщую и легальную форму» тем приоритетам общественного развития, которые задали политики [14, с. 65-80].

Таким образом, политические технологии в законодательном процессе или законодательные технологии – это совокупность инструментов, посредством которых политические акторы стремятся повлиять на ход и результат законодательного процесса.

Типологизация политических технологий

Представляется, что типологизировать законодательные технологии возможно по трём основаниям или измерениям: с точки зрения субъекта их применения, согласно цели их использования и, наконец, характера инструмента как такового.

Субъект применения

В той или иной степени, законодательные технологии применяют все политические акторы. В особенности это касается субъектов законодательной инициативы. К политическим акторам можно отнести также и бизнес-ассоциации, общественные организации. Однако именно в рамках законодательного процесса их возможности резко ограничены, так как юридически они не могут инициировать или вносить поправки в законопроект: такое возможно только через субъекты права законодательной инициативы. Нередко они реализуют свою повестку через конкретных политиков.

У каждого из политических акторов есть своя специфика в применении законодательных технологий. Например, влияние на законодательный процесс судов и региональных парламентов не столь высоко. Согласно данным Системы обеспечения законотворческой деятельности (СОЗД), Конституционный суд не внёс ни одного законопроекта в новейшей истории парламента. Верховный суд использует право законодательной инициативы нечасто и лишь в вопросах, касающихся их напрямую. Так, в VII созыве Верховный суд внес 48 законопроектов, в основном по изменениям в Административный или Уголовный кодексы. Региональные легислатуры вносят значительное количество законопроектов, но принимается относительно небольшая их часть (в период с V – VII созывы принято 408 «региональных» законопроекта, а отклонено – 2274). Да и она нередко связана с сугубо региональной спецификой (например, принадлежность региона к часовому поясу, укрупнение судов, смена названий городов).

Таким образом, ключевую роль в законодательном процессе играют парламентарии и сенаторы, правительство и президент Российской Федерации. Глава государства нечасто напрямую вмешивается в законодательный процесс, достаточно сказать, что в период с 2015-2021 гг. он никогда не внес более 24 законопроекта в год (не считая ратификации международных договоров). Такое количество было внесено в 2020 году, и повышенная законодательная активность связана с необходимостью рассмотрения поправок в конституцию и их законодательного обеспечения, а также с потребностью в срочных мерах по минимизации последствий пандемии коронавирусной инфекции. Важным инструментом воздействия на законодательные органы со стороны президента также является ветирование проектов законов, преодолеть которое в современных условиях задача почти невыполнимая [27].

Правительство же нередко стремится достичь компромисса с представителями всех фракций ещё до публичного прохождения законопроекта в парламенте или даже до его внесения в законодательный орган. Депутаты Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации и сенаторы Российской Федерации активно используют манипулирование парламентскими процедурами для воздействия на законодательный процесс. Именно процедуры обладают потенциалом инструмента, с помощью которого депутаты могут выразить собственную субъектность, но и здесь наиболее влиятельными законодателями становятся представители партии большинства [24].

Далее несколько подробнее будет раскрыт вопрос в том числе о технологиях, связанных с процедурами и аргументами политических акторов.

Цель использования

Законодательные технологии в зависимости от цели могут быть направлены на ускорение, замедление и блокирование.

Ускорение может быть востребовано в случаях, если ситуация требует срочных мер реагирования или политический актор обладает достаточным ресурсом и волей для максимально быстрого продвижения своей инициативы. Также в некоторых особых ситуациях, например, если руководство парламента в качестве одной из приоритетных задач называет расчистку так называемых «законодательных завалов» – проектов законов, внесенных в предыдущих созывах, но нерассмотренных парламентом [2, с. 78-89].

Последние как правило рассматривали с использованием сокращённой процедуры. Она значительно экономит время парламентариев и позволяет принять решение о законодательной инициативе фактически без обсуждения. Решение о применении процедуры согласовывается на Совете Государственной Думы по рекомендации профильного Комитета. Таким образом, мы ускоряем принятие решения, и в то же время блокируем инициативу.

В целом, Регламент Государственной Думы предоставляет достаточно возможностей для ускорения законодательного процесса. Например, возможно принять законопроект за один день и во втором, и в третьем чтениях, либо же существует процедура, позволяющая принять законопроект в первом чтении и в целом. Она широко применялась в период пандемии.

Замедление скорости принятия решений в ходе законодательного процесса может быть связано с невозможностью согласования позиций политических акторов, спецификой политической конъюнктуры. Также и для оппозиции в современных условиях нарочитое затягивания принятия решения может становиться формой выражения политического несогласия. Даже несмотря на конституционное большинство у оппозиции остаются инструменты влияния на повестку дня и работу палаты в целом, хотя данный аспект законодательных исследований незаслуженно находится на периферии внимания учёных [26].

В качестве иллюстрации таких «технологичных» действий оппозиции можно привести «итальянские забастовки», проявление которых мы могли видеть в Государственной Думе. Так, представители фракций КПРФ и «Справедливой России» в июне 2012 года устроили такую акцию во время рассмотрения закона, ужесточающего ответственность за нарушения на митингах. Парламентарии выносили на отдельное голосование самые абсурдные поправки, например, запрещающие проводить митинги в сильную жару или холод. Законопроект был принят, однако рассматривался вплоть до полуночи.

Ряд законопроектов действительно вызывают дискуссии, которые могут продолжаться годами. Многие комплексные решения имеют большое количество заинтересованных сторон, поэтому такие проекты законов, как «пятый антимонопольный пакет», связанный с регулированием деятельности маркетплейсов, масштабные нововведения, направленные на трансформацию контрактной системы, нередко «зависают» ещё на стадии внесения.

Блокирование часто востребовано политическими акторами, когда компромисс недостижим и проще позднее постараться согласовать фундаментально иные параметры законопроекта. Кроме того, блокирование – это хороший способ продемонстрировать собственную политическую субъектность, либо несвоевременность альтернативы и необеспеченность её ресурсами федерального бюджета.

По последней причине как правило блокируются законопроекты парламентской оппозиции. В числе наиболее ярких примеров отмена повышения пенсионного возраста, многочисленные поправки в бюджет, иные популистские инициативы. Причём, чтобы заблокировать потенциальный закон необязательно голосовать против, можно вообще отказаться от голосования. Законодательная инициатива не наберёт кворума и будет отклонена. Тем более такое решение с одной стороны избавляет от подозрений в отсутствии лояльности, а с другой – позволяет уйти от обвинений в позиции, отличной от фракции, частью которой парламентарий является [11, с. 303-321].

В качестве инструмента для постулирования собственной субъектности нередко блокирует законопроекты Совет Федерации. В VII созыве такая ситуация возникла, например, в случаях с инициативами о запрете контактной притравки при подготовке собак для охоты, рекламе на платежных документах за услуги ЖКХ. В итоге, благодаря работе согласительных комиссий все заинтересованные стороны приходили к общему знаменателю, и законопроект становился законом. Важно, что позиция представителей верхней палаты была учтена в итоговом тексте документа.

Из приведенных кейсов видно, что достижение целей в рамках законодательного процесса нередко связано с использованием и даже манипулированием теми или иными процедурами, согласно которым функционирует законодательный процесс. Иными словами, в некоторых ситуациях по инициативе политического актора формальные юридические процедуры стано-

вятся политическими инструментами. Также благодаря рассмотрению степени жесткости процедур, можно приблизиться к пониманию вероятности и возможности изменений в институциональном дизайне [25, р. 280-299].

Безусловно в достижении целей ускорения, замедления и блокирования участвуют и иные технологии, однако процедуры играют здесь ключевую роль.

Характер инструмента

Технологии, описанные выше, можно назвать процедурными. Их часто используют парламентарии, так как они, несмотря на огромное влияние президента и правительства на законодательный процесс, постоянно с ним сталкиваются и фактически ежедневно так или иначе находятся в пространстве, регулируемом законодательными процедурами.

Такая погруженность позволяет уж если не оказать решающее влияние на принятие политических решений в рамках законодательного процесса, то хотя бы внести некоторые корректировки. Едва ли можно утверждать, что конкретный депутат может оказать существенное влияние на принципы формирования бюджета, но пролоббировать поправку в интересах субъекта, который он представляет, парламентарий, а тем более их группа или фракция способны.

Однако процедуры – это не единственный инструмент, с помощью которого политические акторы могут влиять на ход и результат законодательного процесса. Не менее важна логика аргументации и те тезисы, на которые различные фракции и парламентарии делают акцент. Ранее, при проведении дискурс-анализа на примере некоторых кейсов были выявлены определенные закономерности [1, с. 10-35]. В частности, парламентское большинство делает акцент на рациональных аргументах. Так, критикуя оппозиционные законопроекты, оно часто апеллирует к аргументу об отсутствии бюджетных средств на резкое увеличение расходов. При этом лексика часто умеренная, без экспрессии. Оппозиция, напротив, обращается не столько к разуму, сколько чувствам, эмоциям. Таким образом они стараются показать, что в долгосрочной перспективе могут эффективнее представлять избирателя, чем партия большинства.

Законодательные технологии, которые связаны с аргументацией политических акторов, их воздействием на парламентский дискурс можно назвать дискурсивными. В политической сфере риторика нередко напрямую влияет на действия, а значит такие технологии могут воздействовать и на те решения, которые принимаются по итогам законодательного процесса. Косвенно о значимости парламентской риторики говорит и периодические попытки ограничить её, однако в этом случае в некоторых парламентах есть возможность предоставить свою позицию в письменном виде [19, р. 554-569] или адресовать вопрос представителю исполнительной власти в виде обращения, на которое министерство обязано дать ответ.

Ещё одним типом законодательных технологий с точки зрения применяемого инструмента являются технологии, которые можно назвать аналоговыми. Они связаны в первую очередь с практиками публичного выражения собственной позиции, в том числе и невербальными способами. Например, при рассмотрении законопроекта о пенсионной реформе партия КПРФ развернула плакаты прямо в зале заседаний, из которых следует несогласие с предлагаемым увеличением пенсионного возраста. Проявлением таких технологий можно назвать и одиночное пикетирование возле здания Государственной Думы. Такие случаи и сегодня не редкость.

Политические технологии являются элементом конструктивной политической борьбы. Их цель, если объяснять с позиций теории рационального выбора – максимизация собственной пользы и принятие того решения, которое в наибольшей степени выгодно политическому актору. В то же время, они являются и инструментами достижения компромисса, а значит поддержания стабильности политической системы. Политические технологии в законодательном процессе здесь не являются исключением. В целом они представляют собой совокупность инструментов, с помощью которых политические акторы могут воздействовать как на ход, так и на результат законодательного процесса.

Многообразие политических технологий даже в рамках законодательного процесса отнюдь не укладывается в приведённую систему в полном объёме. Некоторые из них воздействуют на политику, ряд исследователей даже выделяют понятие «политических цифровых технологий» [5, с. 221-225]. Однако их влияние более всеобъемлюще, поскольку оно распространяется не только на пространство политического. Таковыми безусловно являются цифровые технологии и шире – всё, что связано с технологическим прогрессом. Например, сам факт появления звукозаписи серьезно повлиял на политический дискурс [22, р. 217-232]. Возможности его фиксации существенно выросли, его содержание стало общедоступным, однако стало больше вопросов в части откровенности дискуссий в ходе публичных мероприятий.

Важно помнить, что технология является функциональной лишь при условии наличия политической воли на принятие того или иного решения. В противном случае она остаётся лишь неиспользованным инструментом, нереализованной возможностью. В статье, через три измерения типологизации показано, что арсенал политических технологий в законодательном процессе в действительности довольно широк, и его использование способно потенциально увеличить влияние политического актора.

При этом политические технологии работают не только на достижение цели конкретного политического актора, но и на усиление влияния парламента в политической системе в целом, поскольку сам факт применения технологий уже говорит о наличии политической конкуренции, диалога, пусть и не всегда заметного в публичной сфере. В перспективе это может стать точкой роста для отечественной политической системы.

Литература

1. Алексеев Д.В., Коргунюк Ю.Г., Помигуев И.А. Размежевания в российском законодательном процессе: опыт факторного и дискурс-анализа // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. №3. С. 10–35.
2. Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. 2016. №10. С. 78–89.
3. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. №4. С. 6–25.
4. Грабовская С. Непосредственная демократия в Польше. Институт народной инициативы: комментарии de lege ferenda // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №3(64). С. 27–42.
5. Гришин О.Е. Политические цифровые технологии: о сути явления // Культура и природа политической власти: теория и практика: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2023. С. 221–225.
6. Гришин О.Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер // PolitBook. 2014. №2. С. 19–32.
7. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы, виды // Власть. 2015. №12. С. 140–142.
8. Казун А. Кому принадлежит повестка дня? Обзор теории issue ownership // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. №4. С. 109–123.
9. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. №1. С. 16–23.
10. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. Ярославль: изд-во ЯрГУ, 2010. 368 с.
11. Карягин М.Е. Индивидуальные стратегии голосования парламентариев: что открытые данные говорят о работе депутатов Государственной думы? // Политическая наука. 2023. №1. С. 303–321.
12. Лем С. Сумма технологии. Москва: Издательство «МИР», 2006. 607 с.
13. Мельников К.В. Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области // Полис. Политические исследования. 2021. №6. С. 171–188.
14. Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? // Полис. Политические исследования. 1999. №2. С. 65–80.
15. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.
16. Цыганков В.В. Революционные волны в позднее Новое время: мануфактурный кризис в мире и промышленный переворот в Англии / под ред. О.Н. Широкова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сб. материалов VIII Междунар. науч.-практич. конф., Чебоксары: «Интерактив плюс» 2017. С. 204–225.
17. Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. №4. С. 328–330.
18. Шаповалова А.В. PR-технологии в коммуникационном сопровождении непопулярных политических решений // Гуманитарный акцент. 2021. №2. С. 58–62.

19. Bhattacharya C. Restrictive rules of speechmaking as a tool to maintain party unity: The case of oppressed political conflict in German parliament debates on the euro crisis // *Party Politics*. 2023. T. 29. № 3. P. 554-569.

20. Bijker W. Why and How Technology Matters. *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. In Robert E. (ed.). Goodin and Charles Tilly, 2006. P. 682-706.

21. Campbell A.C., Cox G., McCubins M.D. *Agenda Power in the U.S. House of Representatives, 1877 to 1986. Parties, procedure and policy: essays on the history of Congress*. Stanford University Press, 2002. 70 p.

22. Inoue M. Word for Word: Verbatim as Political Technologies // *Annual Review of Anthropology*. 2018. N47(1). P. 217-232

23. Judge D, Leston B.G. Why it matters to keep asking why legislatures matter // *The Journal of Legislative Studies*. 2021. N27(2). P. 155-184

24. Krol G. *Legislating Parliaments in Authoritarian Regimes Eurasian Legislatures and Presidents Compared: дисс.* European University Institute, 2020

25. Tsebelis G. Constitutional Rigidity Matters: A Veto Players Approach // *British Journal of Political Science*. 2022. N52. P. 280-299

26. Wegmann S. Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective // *The Journal of Legislative Studies*. 2022. N28(1). P. 1-25

27. Weinberg J. *The Personal Side of Politics: A Study of Basic Human Values in the UK Parliament*: University of Sheffield, 2018.

References

1. Alekseev D.V., Korgunyuk Yu.G., Pomigiev I.A. Razmezhevaniya v rossiiskom zakonodatel'nom protsesse: opyt faktornogo i diskurs-analiza. *Diskurs-Pi*. 2022. T. 19. №3. S. 10-35.

2. Vlasenko N.A., Zaloilo M.V. Sostoyanie zakonodatel'stva, uroven' zakonodatel'noi kul'tury i standartizatsiya zakonotvorchestva. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2016. №10. S. 78-89.

3. Gel'man V.Ya. Institutstional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoi rossiiskoi politike. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2003. №4. S. 6-25.

4. Grabovskaya S. Neposredstvennaya demokratiya v Pol'she. Institut narodnoi initsiativy: kommentarii de lege ferenda. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2008. №3(64). S. 27-42.

5. Grishin O.E. Politicheskie tsifrovye tekhnologii: o suti yavleniya. Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika: Sb. nauch. trudov. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 2023. S. 221-225.

6. Grishin O.E. Politicheskie tekhnologii v XXI veke: sushchnost', spektr, kharakter. *PolitBook*. 2014. №2. S. 19-32.

7. Demidchenko V.V. Ponyatie politicheskikh tekhnologii: sushchnost', formy, vidy. *Vlast'*. 2015. №12. S. 140-142.

8. Kazun A. Komu prinadlezhit povestka dnya? Obzor teorii issue ownership. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018. №4. S. 109-123.

9. Kartashov V.N. Yuridicheskaya tekhnologiya ili yuridicheskaya tekhnika? Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2007. №1. S. 16-23.

10. Kartashov V.N., Bakhvalov S.V. *Zakonodatel'naya tekhnologiya sub'ektov Rossiiskoi Federatsii*. Yaroslavl': izd-vo YarGU, 2010. 368 s.

11. Karyagin M.E. Individual'nye strategii golosovaniya parlamentariev: chto otkrytye dannye govoryat o rabote deputatov Gosudarstvennoi dumy? Politicheskaya nauka. 2023. №1. S. 303–321.
12. Lem S. Summa tekhnologii. Moskva: Izdatel'stvo «MIR», 2006. 607 c.
13. Mel'nikov K.V. Klientelizm i neformal'nye seti regional'nykh elit v Rossii: opyt setevogo analiza na primere Sverdlovskoi oblasti. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. №6. S. 171-188.
14. Solov'ev A.I. Kul'tura vlasti rossiiskoi elity: iskushenie konstitutsionalizmom? Polis. Politicheskie issledovaniya. 1999. №2. S. 65–80.
15. Tikhomirov Yu.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. Moskva: Formula prava, 2010. 400 s.
16. Tsygankov V.V. Revolyutsionnye volny v pozdnee Novoe vremya: manufakturnyi krizis v mire i promyshlennyy perevorot v Anglii / pod red. O.N. Shirokova. Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya. Sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., Cheboksary: «Interaktiv plus» 2017. S. 204–225.
17. Shabrov O.F. Politicheskie tekhnologii. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №4. S. 328-330.
18. Shapovalova A.V. PR-tekhnologii v kommunikatsionnom soprovozhdenii nepopulyarnykh politicheskikh reshenii. Gumanitarnyy aktsent. 2021. №2. S. 58-62.
19. Bhattacharya C. Restrictive rules of speechmaking as a tool to maintain party unity: The case of oppressed political conflict in German parliament debates on the euro crisis. Party Politics. 2023. T. 29. № 3. P. 554-569.
20. Bijker W. Why and How Technology Matters. The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. In Robert E. (ed.). Goodin and Charles Tilly, 2006. P. 682–706.
21. Campbell A.C., Cox G., McCubins M.D. Agenda Power in the U.S. House of Representatives, 1877 to 1986. Parties, procedure and policy: essays on the history of Congress. Stanford University Press, 2002. 70 p.
22. Inoue M. Word for Word: Verbatim as Political Technologies. Annual Review of Anthropology. 2018. N47(1). P. 217–232
23. Judge D, Leston B.G. Why it matters to keep asking why legislatures matter. The Journal of Legislative Studies. 2021. N27(2). P. 155-184
24. Krol G. Legislating Parliaments in Authoritarian Regimes Eurasian Legislatures and Presidents Compared: diss. European University Institute, 2020
25. Tsebelis G. Constitutional Rigidity Matters: A Veto Players Approach. British Journal of Political Science. 2022. N52. P. 280–299
26. Wegmann S. Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective. The Journal of Legislative Studies. 2022. N28(1). P. 1-25
27. Weinberg J. The Personal Side of Politics: A Study of Basic Human Values in the UK Parliament: University of Sheffield, 2018.